

А.Мифодиев

Что позволено Зевсу...

Алексей Мефодиев

Что позволено Зевсу... (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22972953

«Что позволено Зевсу...»: Принт Дизайн; М.; 2010

ISBN 978-5-98712-047-7

Аннотация

Художественные произведения повествуют читателю о красочных перипетиях судеб героев нашего времени. Образы, взятые из реальной жизни, вызывают острый интерес. Непредсказуемые сюжеты, затрагивающие социальные и нравственные аспекты, интригуют, позволяют взглянуть на обыденность с самой неожиданной стороны, давая читателю богатую пищу для размышлений.

В чем кроются причины поступков героев захватывающих рассказов? Какие ловушки готовит им судьба? Чем обернутся для них обстоятельства, уготованные жизнью?

Ответы на эти вопросы читатель найдет, перелистывая страницу за страницей книг, представленных на сайте. Легкий слог и образный язык произведений позволяет «на одном дыхании» перечитывать рассказы Мефодиева.

Содержание

Что позволено Зевсу...	5
Столичная штучка	19
На чужбине	33
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Алексей Мефодиев

«Что позволено Зевсу...»

© А. Мефодиев, 2010

© «ПринтДизайн», оригинал-макет, оформление, 2010 г.

Что позволено Зевсу...

Quod licet Jovi, non licet bovi¹

Лидия Лощатая, финдиректор кинокартины «На грани возможного», упрашивала режиссера Буркина дать ее папынку хоть какую-нибудь роль.

– Яков Михайлович, ну что Вам стоит? Попробуйте мальчика!

Мальчику, между тем, было двадцать шесть лет от роду, и он предпринимал отчаянные попытки окончить литературный институт. Обучение давалось ему нелегко. Не единожды его собирались отчислять. Трижды приходилось оформлять академический отпуск. Звали его Юрой.

– Оставьте, Лидия Павловна, ведь сколько раз пробовали, – отмахиваясь от нее как от надоедливой мухи, говорил Яков Михайлович, – он же у вас как деревянный.

– А Вы, Яков Михайлович, дайте ему роль водителя главаря банды. Картины все равно не испортит. Водитель ведь в двух сценах и появляется только. А мальчику моему все же надежда. Может, что и получится из него.

– Роль водителя, говоришь? – режиссер внимательно посмотрел в молящие глаза финдиректора. Потом взгляд его упал чуть ниже. На Лидии Павловне были бархатный пи-

¹ Что позволено Юпитеру, не позволено быку (лат.)

джачок бордового цвета, обтягивающая юбка выше колена и черные колготки. Ей было за сорок, но насколько никто точно не знал.

«А она в отличной форме. Может, стоит нам это, того...» – неожиданно пришло на ум Якову Михайловичу, и он в раздумьях почесал небритый подбородок. Двухдневная щетина была ему к лицу. Потом он вспомнил, что уже поздно, что он хочет спать, и что Лидия Павловна нынче уже не та. И тогда, устало махнув рукой, Яков Михайлович сказал:

– Ладно, на роль водителя сойдет.

Через месяц, накануне съемок эпизода с участием «водителя главаря банды», Лидия Лощатая у себя дома на кухне проводила инструктаж с пасынком. Пасынок был долговязый расслабленный парень. Он лениво слушал Лидию Павловну, нетерпеливо поглядывая в окно.

– Слушай, Юрий, и запоминай! Главное, ты должен понравиться режиссеру. Он на площадке – царь и бог.

– Помню я его, как же! Какой он бог? Маленький, в годах уже, – лениво растягивая слова, говорил пасынок.

– Ты это брось мне, – Лидия сердито постучала указательным пальцем по кухонному столу. – Может и в годах, да пока еще поэнергичнее десяти таких как ты будет. Еще раз тебе говорю, на площадке он царь и бог. Не понравишься ему, пиши – пропало.

– Я же контракт подписал.

– Контракт он подписал? Нашелся какой? Смотрите на

него! Я не первый год в кинобизнесе. Знаю, что почему, и как оно бывает.

– Ну и как оно бывает? – без особого энтузиазма поинтересовался пасынок.

– По-всякому бывает. Однажды я наблюдала вот какую историю. Снимали картину. Буркин – режиссер. Взяли на одну из ведущих ролей Елену Измайлову. Знаешь такую?

– Что-то не слышал.

– Вот именно. Она же нигде не снимается и в театре не играет больше. А как все произошло. Много лет назад Измайлова, малоизвестная актриса, никогда не снимавшаяся в кино, получила предложение от Буркина сняться в кинокартине. Да не просто, а одну из ведущих ролей. Я, между прочим, ему посоветовала. О чем теперь искренне жалею. Ну да ладно. Предложение она, естественно, приняла; прошла кастинг, приступили к съемкам. Все шло неплохо, но снимали несколько месяцев. И у нее за это время молодой человек появился. Любовь-морковь и все такое. А Буркин требует, чтобы актеры всегда на площадке были вовремя. Снимали в Подмосковье. Съемки частенько заканчивались за полночь, а с утра в девять как штык на площадке надо быть. Для удобства артистов там же, в пяти минутах ходьбы, то ли гостиницу, то ли дом отдыха какой-то арендовали. Все там и жили.

– Ну? – промычал пасынок.

– Ну а у нее любовь-морковь. Жить в доме отдыха со всеми не желает. Ездит ночевать в Москву к дружку своему.

– Понятное дело, – вставил пасынок.

– Дело-то понятное. Да только опаздывать стала на съемки. Вид замученный. Все-таки дорога туда-обратно каждый день по два часа в один конец – дело нешуточное. А потом переживания там всякие любовные. Мне Буркин сказал, чтобы я с ней поговорила.

– Ну а ты?

– Я поговорила. Сказала ей: так и так, режиссер недоволен. Как сейчас помню, сказала ей прямо: «Ты, Лена, определись. Девушка ты молодая, но годы очень быстро идут. Оглянуться не успеешь, как не нужна никому станешь. Шанс тебе выпал сейчас. Не упusti его. Делай, что режиссер говорит».

А она мне беспечно так отвечает: «Что же мне теперь, никакой личной жизни не вести, что ли?» «Почему, – говорю, – будет и личная жизнь, но потом, а сейчас на съемках сосредоточиться следует».

«Бросьте Вы, – отвечает мне Елена, – съемки к концу идут. Заменить меня уже невозможно. Переснимать весь фильм придется. Нереально это. Так что на экран я все равно попаду, никуда не денутся».

«Смотри, как бы не пожалеть тебе», – сказала я ей. На том и расстались. А она продолжила в том же духе. Я все Буркину, естественно, рассказала. Помрачнел он и больше о ней ничего не спрашивал. Даже когда она на съемки опаздывала, он молчал. Закончили съемки через месяц, монтаж прошел. Через полгода – премьера фильма в доме кино. Всем пригла-

шения разослали, ей – нет. Она все равно собралась прийти. И не одна – с друзьями. Оно и понятно: на собственный дебют. С цветами пришли, поздравляют ее. Да только рано. На сцену ее перед просмотром фильма не пригласили. Но она все равно уверенная в себе оставалась до начала просмотра. А когда фильм начали смотреть, то ее на экране почти что и не видно было. Так, мелькнула несколько раз, и то все больше со спины, ну, пару фраз сказала. Только в конце, когда титры пошли, мелким шрифтом ее фамилия мелькнула. Вот что значит монтаж. Сняться – это еще половина дела, монтаж пройти надо.

– А дальше?

– Слезы, размазанная тушь, сломанные цветы, разочарование и все такое. Надломило ее это как-то. Больше она не снимается.

Понятно тебе?

– Понятно, – промычал пасынок и отправился играть на компьютере.

На следующий день напуганный страшными рассказами мачехи Юрий прибыл на съемочную площадку заранее и был изрядно раздосадован тем, что начало съемок задерживается на полтора часа из-за отсутствия режиссера. Юрий не любил ждать других, считал это унижительным. И хотя он обычно был ничем не занят, ему очень не нравилось тратить время в ожиданиях. Из-за этого он всегда старался рассчитать время

на дорогу как можно точнее и выходил впритык. В результате ему постоянно приходилось очень торопиться, вскакивать на подножку уходящих трамваев, нервничать, потеть и все такое прочее.

Но время шло. Вот уже приехали светотехники, гримеры, пришел оператор, и, наконец, кто-то раздраженно крикнул: «Бубликов, проходи в гримерную», и Юрия начали гримировать. Появился режиссер. Потом было снято несколько сцен без участия Юрия. И только когда солнце начало клониться к закату, подошла очередь съемок сцены, где он был задействован. Сама сцена была незатейлива. Юрий за рулем машины сопровождения главаря банды – черного внедорожника «Мерседес» – въезжает на автостоянку стадиона через толпу болельщиков – участников массовки. В машине с Юрием находились два артиста, тоже молодые ребята, лет по двадцать пять, играющие телохранителей главаря банды Рамзеса. Машина въезжала с открытыми стеклами, и потому их лица должны были попасть на экран.

Сцену снимали долго. То машина въезжала в толпу болельщиков раньше, чем нужно. То болельщики шли не в том направлении. То в кадре неожиданно появлялся кто-то лишний. Массовка – дело непростое. В результате начинающие артисты – а они были одного возраста – проторчали в машине не менее часа, и в перерывах между съемкой разговорились друг с другом.

– Вас как, мужики, зовут? – первым спросил Юра.

– Меня – Алан.

– Меня – Знаур.

Они были кавказской внешности, но говорили почти без акцента.

– А тебя как зовут? – поинтересовался Алан.

– Меня – Юра. Будем знакомы.

И они обменялись рукопожатиями.

– Снимаетесь в кино первый раз? – спросил Юра.

– Нет, я уже – третий, – ответил Алан. – Я вообще-то профессиональный артист, в театре играю.

– А я – первый, – сказал Знаур. – А ты?

– Я тоже не первый, вернее сказать, пробовал до этого, но не получилось ничего. Сказали: работать над собой надо, – ухмыльнувшись, пояснил Юра.

– Это бывает. Хотя, по-моему, в кино при желании кого угодно снять можно. Это тебе не театр, – сказал Алан.

– В каком смысле?

– Ну, как тебе объяснить. В кино можно хоть десять, хоть двадцать дублей сделать. И даже потом, если не все нравится, из одного дубля один кусок взять и с другими смонтировать. Потом – с тобой режиссер все время. Он тебе и покажет, и укажет...

– Ну, это он с кем как, – прервал его Знаур.

– Я говорю, если он кого снять захотел, конечно, – пояснил Алан. – Так-то он со всеми цацкаться не будет. Уберет с площадки и все. Хотя, с другой стороны, фильм все же его.

И цацкаться тоже много приходится. Без конца менять людей накладно.

– Оператор тоже помогает, – добавил Знаур.

– От оператора, конечно, многое зависит, – со знанием дела подтвердил Алан. – Хороший оператор весь фильм делает. Они с режиссером советуются, как какую сцену снимать лучше будет.

– А в театре что? – спросил Юрий.

– А в театре – вышел ты на сцену и остался один на один с публикой. Что не так сыграл, уже не переснимешь! Текст забыл – пиши-пропало. А запоминать какие тексты надо! Одно это чего стоит! А потом, сыграл плохо – не переиграешь уже. Там отсутствие профессионализма актера ничем не скроешь. Все сразу видно, кто есть кто. За это мне театр и нравится.

– Что же вы в кино сниматься пришли?

– А деньги? В театре я за месяц столько не заработаю, как здесь – за два дня съемок. Хоть и роль-то пустяковая, почти что массовка, а все равно. Потом, приятно, конечно, себя на экране увидеть. Какой артист не хочет стать знаменитым?

– Вы из одного театра?

– Да, но меня только что, точнее, месяц назад, в труппу взяли, – сказал Знаур.

– А в театре что играете?

– Чехова. Как его? «Вишневый сад».

– А еще что?

– Пьесу Островского играл как-то, – сказал Алан.

– Понятно, – сказал Юра.

– А ты что делаешь? – спросил Юрия Знаур.

– В литературном институте учусь.

– Ну и как?

– Нормально, в общем.

– А потом что будешь делать?

– Пока не знаю. Доучиться бы. А там... Вот, может, в кино

покатит, – ответил Юрий.

Они помолчали немного.

Потом Знаур сказал Алану:

– Слушай, какую историю тебе расскажу. В прошлую пятницу поехал я к своему брату. Он однушку снимает на Водном стадионе. Ну, выпили, закусили там. Все по-человечески. Девочки пришли. Хорошие такие. Только им домой надо было. Пошли их провожать. Вышли на Ленинградку, значит. Я, само собой, машину ловить стал. Неудобно девчат на метро отправлять. Тут подъезжает такой на девятке. Армяшка. Машина вся прогнившая. Ладно, я дверь открываю. Спрашиваю: «До Печатников поедешь?» Он мне: «А сколько заплатишь?». Я ему: «Двести рублей», – говорю. А он мне тут и говорит: «Какое двести рублей? Ты их в жопу себе засунь, жмот! Закрывай дверь!». И уехать хочет. Ты понимаешь? Он оскорбил меня! Я ему говорю тогда: «Ах ты, гад! Это я тебе сейчас в жопу кой-что засуну! Выходи из машины!» Тут он прут железный достает и за мной. Я – бежать.

Один раз он мне попал по руке вскользь, вот тут прошло, – и Знаур показал еще не зажившую ссадину. – Но тут брат мой сзади к нему подбежал – а брат мой здоровяк, ты его знаешь, – заломил ему руку и прут отобрал. Прут мой брат в кусты выбросил, он ему не к чему, он и без прута любого заломает. Армяшка от брата моего побежал, брат – за ним. Они вокруг машины армяшкиной бегают, и мой брат ему пендалей дает, по жопе по его жирной. Во смеху-то было! – и Знаур залился смехом.

Алан тоже улыбнулся.

Потом Алан обратился к Знауру:

– Ты с ней говорил сегодня?

– Говорил, – мрачно ответил его друг.

– Ну и как?

– Сказала, что завтра заплатит.

– Как так – завтра? Договаривались, что каждый день рассчитываться будут, а мы уже четвертый день без денег сидим. Мне домой не на что ехать.

– Иди и сам с ней говори, – отрезал Знаур.

– И пойду, и пойду, и скажу ей, что за дела такие, вообще? – возбужденно забормотал Алан.

Тут вдальеке крикнули: «К съемке приготовиться!»

Через минуту тот же голос прокричал: «Мотор, хлопушка, машина пошла, пошла, пошла машина».

Юрий завел двигатель, нажал на газ, и вот они уже проезжают сквозь толпу, неохотно расступающихся болельщиков

– участников массовки. Наконец вдалеке крикнули: «Снято»!

Артисты вышли из машины, и Юра отправился к помощнику режиссера выяснять, когда ему играть следующую сцену. По плану она должна была идти сразу же за только что отснятой.

– Ну что, Петр Терентьевич, сейчас опять меня снимать будут? – спросил Юра у помощника режиссера.

– Подожди, сейчас не до тебя. Второстепенные сцены перенесли малость. Сейчас Джимиева сцена будет. Он вот-вот подъедет.

Джимиев был известным актером и играл одну из главных ролей фильма.

– Хорошо, наверное, быть Джимиевым, – мечтательно сказал рядом женский голос.

Юра повернул голову и увидел самого Джимиева, который выходил из красного спортивного «Мерседеса». Его тут же окружили какие-то услужливые люди.

– Пожалуйста, Михаил, проходите в гримерную. Начинаем через десять минут, – журчала ему в ухо симпатичная девушка, мастер по гриму.

– Восходящая звезда, – говорили проходившие мимо юные актрисы и зачарованно смотрели на Джимиева. Он был высоким, приятной наружности мужчиной лет тридцати пяти. Часто улыбался. Разговаривал спокойно, с чувством собственного достоинства.

Юрий подошел к стоявшим рядом своим новым знакомым.

– Съемку нашей сцены, мужики, опять перенесли. А всю первую половину дня я вообще напрасно прождал в гриме. Сколько зря потраченного времени! – выразил свое недовольство Юрий.

– Привыкай, – отвечал ему Алан, – на съемках все делается для удобства режиссера. Чтобы все у него всегда были под рукой. Сцены могут менять местами, и потому артисты должны быть все на месте.

– Не все, – и Юрий мотнул головой в сторону автомобиля Джимиева.

– Это правда, – согласился Алан, – не все. Известные артисты могут себе позволить, чтобы под них подстраивались.

«Это еще как отношения с режиссером сложатся...» – подумал Юрий.

– Как дела, ребята? – подошедший Джимиев дружелюбно хлопнул по плечу Алана.

Они, очевидно, уже были знакомы.

– Все бы ничего, земляк, да только... – сказал Знаур.

– Что только? – спросил Джимиев.

– Сами разберемся, – сказал Алан и сердито посмотрел на Знаура.

– В чем проблемы-то? – улыбаясь, спросил Джимиев.

– Денег нам который день не платят, – сказал, понурившись, Знаур.

– Это как это? – брови Джимиева поползли вверх, а в его голосе слышались барские нотки.

– Так, «завтра, завтра, завтра» каждый день говорят.

– А как договаривались? – спросил Джимиев.

– Договаривались, что каждый раз после съемок.

– Ну так идите и скажите, что пока денег не заплатят, сниматься не будете, и все. Что они о себе думают, вообще?

– Вот так и сказать? – робко спросил Знаур.

– Конечно. Я бы так и сделал. Уговор дороже денег. Я это лично так понимаю, – сказал Джимиев, и его голова гордо поднялась, а плечи расправились.

– А если нас уволят? – спросил Алан.

– Не уволят. А уволят, к другому режиссеру пойдете. Не проблема. Идите, идите. Поговорите с финдиректором.

– Говорили уже.

– Ну и что?

– «Завтра», – говорит, – «точно заплатим». – А мне есть не на что.

– Тогда к режиссеру идите и скажите, что сниматься не будете, пока денег не дадут.

– Ладно, после съемок подойдем, – сказал Алан.

– После съемок поздно будет, – сказал знающий Джимиев.

– А что, они вообще деньги нам могут не заплатить? – спросил Знаур.

– Нет, это вряд ли. Серьезная студия. Промурыжат немного и выплатят в конце концов.

– Мне деньги сейчас нужны, и договаривались к тому же, – сказал Знаур.

– Тогда идите – что ждать милостей природы...

– Михаил, прошу вас на съемочную площадку, вас ждут, – послышался участливый женский голос.

– Ладно, мужики, – сказал Джимиев, – еще увидимся после съемок.

– Ну что, пойдём? – Знаур посмотрел на более опытного Алана.

– Не знаю, а вдруг уволят?...

– Ну и сиди дальше, трясись как осиновый лист, а я пойду, – пристыдил он Алана. Повернулся и пошел.

– Слушай, подожди, я с тобой, – обвинение в трусости для Алана было непереносимо.

Через час закончили снимать сцену с участием Джимиева. Артист тепло попрощался с режиссером, и уже хотел было еще раз поговорить со своими земляками, узнать, чем закончился их разговор об оплате, но тут зазвонил его мобильный телефон, и он, увлекшись разговором, сел в машину и уехал.

Съемки следующей сцены прошли без участия Алана и Знаура. Больше Юрий их на съемочной площадке не видел. Не доводилось ему видеть их и в картинах других режиссеров.

Сентябрь 2008

Столичная штучка

Как-то раз после полудня зазвонил мобильный телефон сантехника Степана Клюева. На улице не первый день стоял июньский зной. Маленькая полуподвальная комнатка ЖЭКа, где Клюев обычно проводил рабочее время в ожидании вызовов на объекты, напоминала парную. И не мудрено: солнце начинало светить в окно сразу после одиннадцати и скрывалось за соседним домом только под вечер, когда и без того пора было идти домой. Духота становилась особенно нестерпимой на третий – четвертый жаркий день к ряду, когда блочные стены дома разогревались в течение дня и за ночь не успевали остыть. Сейчас как раз был такой случай. Несмотря на это, Клюев всегда с неохотой шел на вызовы, предпочитая безделье в жаркой комнатке работе. Да и ради чего было гнуть спину, спрашивается?

Клюеву было слегка за тридцать. Он давно для себя усвоил, что переработки, как и тяжелая работа вообще, больших денег не приносят. Ну заработает он еще сотню – другую, и что? Горбатиться, чтобы жена его, Клавка, себе юбку еще одну купила? Не – и так ходит. Юбка у нее уже есть. А на что другое все равно не хватит.

«Вот если бы на квартиру заработать можно было, так чтобы переехать из «однушки» хотя бы в «двушку», – размышлял сантехник, глядя из цокольного этажа на раскаленный

асфальт, – это еще куда ни шло. Или машину, хоть, купить. А так – не. Ну их».

Телефон продолжал звонить.

«Кого это еще черт несет? – подумал сантехник. – Как бы не вызов срочный оказался. Еще переться мне под конец рабочего-то дня невесть куда не хватало».

Он уставился на дисплей аппарата в потугах разобрать номер вызывающего абонента. Номер казался ему незнакомым. По идее, если на срочный вызов, то должны были звонить по городскому. С другой стороны, он уже специально пропустил несколько звонков с городского часа два назад, и теперь это могло звонить его начальство, чтобы принудить его к работе. Подумав немного, Клюев все же поднес аппарат к уху.

– Але, – сказал он настороженно.

– Степка, Степан! Привет! – зажурчал в трубке высокий женский голосок.

– Здорово, – недоверчиво пробасил Клюев.

– Ну как ты, Степка? Как поживаешь?

– Да все путем.

– Какой ты немногословный! Расскажи поподробнее! Ты всегда букой был!

– Да путем все, я же говорю, чего рассказывать-то? – настороженно басил Клюев.

– Ты меня не узнаешь, что ли?

– Катенька, – неуверенно произнес Клюев, – ты, что ли?

– Ну наконец-то, узнал! А то кто ж еще?

– Катенька! – оживился Клюев, – вот здорово, ты где?

– Где, где? В Самаре!

– Как в Самаре?

– Вот так, Степка. А ты что ж, не рад мне?

Степка был Катеньке очень даже рад. Она приходилась Клюеву дальней родственницей, то ли троюродной, то ли четверюродной сестрой. Он всегда путался в мудреных категориях родства. Катенька была младше его на несколько лет. Сейчас ей должно было быть около тридцати. В детстве и подростками они проводили вместе много времени на школьных летних каникулах в деревне у бабушки. Дом стоял на берегу Волги. Там было здорово. В остальное время они меньше виделись, потому что жили на противоположных концах Самары. Потом Клюев ушел в армию, а когда вернулся, выяснилось, что Катенька подалась в Москву. До него доходили слухи, что она там неплохо устроилась. Сам он женился. Перезванивались они редко. Последний раз Клюев разговаривал с Катенькой несколько лет назад: поздравлял ее по телефону с каким-то праздником. Разговаривала она с ним очень важным голосом.

«Столичная штучка стала!» – подумал он тогда и решил ей больше не звонить.

Но в его памяти она так и оставалась смешным и неуклюжим подростком с большими доверчивыми и слегка испуганными глазами.

– Ты когда приехала-то? – спросил Клюев.

– Только что с поезда сошла и сразу тебе звонить.

– Вот здорово! – заулыбался сантехник. – Раз ты в Самаре, давай к нам в гости приезжай скорее. Пивка выпьем.

– А можно?

– А что такого? Конечно! Давай!

– Ну, я не знаю, у тебя жена, сын, я слышала, родился, – засомневалась Катенька.

– Ну и что? Клавка моя гостям всегда рада – она у меня компанейская. А мы ж с тобой родня как-никак. А Василек наш все равно в деревне у бабки все лето живет.

– Ну, я даже не знаю, неудобно как-то...

– Никаких «не знаю», приезжай, давай, и все. Сейчас сколько? – и он взглянул на часы. – Пять часов как раз.

– А где ты живешь сейчас? – спросила Катенька.

– Цеховая улица, дом пять. Помнишь, баба Настя была.

– Да.

– Так это ее квартира. Она умерла два года назад. А квартиру, значит, нам оставила. Так и живем в ней. Так я тебя жду? Квартира пять, первый подъезд, второй этаж.

– Боюсь, Степка, я не найду.

– Тогда, ты знаешь что? Давай на станции Кировской я тебя у выхода встречу, и вместе пойдем. Идет?

– Идет, через полчаса там тогда, – и трубка замолчала.

По дороге до «Кировской» Клюев поразмышлял немного, не предупредить ли ему жену, что он придет не один. Но

потом решил, что не стоит зря тратить деньги с мобильного телефона – гостеприимная хозяйка Клава всегда была рада его приятелям. С тех пор, как во дворе убрали деревянный стол со скамейками, они частенько к нему заходили выпить по паре бутылок пива с воблой и сыграть в домино. Спиртным Клюев никогда не злоупотреблял и спать предпочитал ложиться рано.

Через каких-нибудь двадцать минут сантехник добрался до Кировской. Катенька уже ждала его. На ней было облегающее платьице выше колена, легкий приталенный пиджачок белого цвета, который, как показалось Клеюеву, был ей маловат. На ногах ее были белоснежные босоножки. Сама она была стройна, как осинка. Глаза ее были по-прежнему большие и слегка испуганные.

– Катенька! – радостно прокричал Степан и расставил руки.

– Степка! – прокричала Катенька и бросилась в его объятия.

Когда они проходили мимо ларька, Клеюев купил три бутылки пива: Катеньке, Клавке и себе. Наивные глаза в сочетании с пухлыми щечками и надутыми губами придавали Катеньке вид хрупкости и незащищенности. Идя рядом с ней, среднего роста и немного полноватый сантехник вдруг почувствовал себя рыцарем-защитником хрупкого и нежного создания.

Через пятнадцать минут они уже подходили к дому Степа-

на. Поднялись на второй этаж, и Степан нажал кнопку звонка.

Клава открыла дверь почти сразу. Это была полноватая женщина среднего роста – обычно Степану всегда нравились женщины в теле, хотя встречались и исключения в его жизни. Клава не была красавицей, но у нее были правильные черты лица. На ногах ее были матерчатые потертые шлепки. Одета она была в тренировочные брюки и свободную майку на выпуск. На ее голове была повязана косынка, а на лбу выступали капельки пота. В больших белых руках жена сантехника сжимала утюг. Было件нятно, что ее отвлекли от домашних забот.

Она быстрым взглядом осмотрела Катеньку. Ее маникюр с педикюром, ровный загар и модная худоба определено не пришлись Клавдии по душе.

– Клавка, принимай гостей, – радостно протрубил Степан. – Знакомься, это Катенька, моя сестричка. Я тебе рассказывал о ней, помнишь, наверное?

Услышав, что гостья приходится мужу сестрой, Клавдия немного оттаяла и сказала, глядя на Катеньку:

– Катя, проходите, пожалуйста. Снимайте обувь. Вот тапочки.

– Спасибо Вам, я лучше босяком, – беспечно пропела Катенька.

– Что это вы все на «Вы», да на «Вы». Все же свои, – заговорил Степка, почувствовав неловкость. – Давайте-ка на

«ты» к друг другу обращайтесь.

Через полчаса они уже сидели за столом и ужинали. Постепенно Клавдия оттаяла, первоначальная неловкость ушла, и завязался обычный житейский разговор.

– Ну что это мы все о нас, да о нас, – говорил Степан, – расскажи, теперь, лучше о себе. Как ты там, Катенька, в Москве устроилась? Где живешь? Где работаешь?

– А что я? Все как обычно, – рассказывала Катенька своим тоненьким голоском. – Работаю инструктором в фитнес-клубе.

– Фитнесы у нас тоже есть, – махнул рукой водопроводчик. – Ян сам ходил несколько раз, мне понравилось. Жаль только – дорого больно. Мне это удовольствие не по карману, а то я б ходил.

– А чего там интересного, в фитнесе? Не понимаю, – ответила Катенька. – Я вот не понимаю, зачем люди приходят в фитнес-клуб. Им что, делать совсем нечего?

– Не, я б ходил, если б деньги были, – сконфузившись, промычал водопроводчик.

– Ну а зачем, зачем? Зачем в Джим ходить? Потеть там часами?

– Ну, не знаю, чтоб тело красивое было.

– Это все от конституции зависит.

– От чего? – спросила Клавдия.

– От конституции. Если человек от природы с тонкой костью, то просто есть много не надо, и все в порядке будет.

При этих словах Катеньки Клавдия посмотрела на свои крупные руки и спрятала их под стол.

– Так тебе что – твоя работа совсем не нравится? – спросил Степан.

– Да ну, что там особенно хорошего?

– Ну, не знаю, кондиционер там и все такое, чисто, красиво все вокруг, наверное, – мечтательно сказал Степан, припоминая свою душную комнатенку в ЖЭКе с ободранными стенами.

– Кондиционер, чисто, красиво – это да, а остальное?

– А что остальное?

– Деньги маленькие. А отношения какие?

– А что отношения?

– Не любят меня там, понимаешь? Чужая я им.

Как будто угрожая далеким обидчикам сестры, водопроводчик расправил грудь и, не замечая неодобрительного взгляда жены, с вызовом сказал:

– Не поверю, чтоб Катеньку мою не любили.

– Не любят, Степка, не любят, – вздохнула Катенька. – Другие инструкторши говорят, что на меня посетители отвлекаются. И что я их к себе переманиваю. Как будто я специально их отвлекаю! А тетка-менеджер, противная такая, недавно сказала мне, чтобы я майку без выреза и с длинными рукавами носила. Униформа у них такая, видите ли! Так жарко же! Я же только из-за этого, а не чего-то там, – и Катенька сделала неопределенный жест рукой.

– Короче, не нравится тебе твоя работа, – сказала Клава.

– Нет, но что делать.

– А что тебе нравится? – спросила Клава.

– Не знаю даже, – неопределенно ответила Катенька. – Люблю на дискотеки ходить. Ночные клубы мне нравятся. Там прикольно: музыка играет, светомузыка, танцуют все, веселятся. А вы на дискотеки, в ночные клубы ходите? Они есть в Самаре-то?

– Есть, конечно, – живо отвечал водопроводчик, – но мы не ходим.

– Ну да, семья, дети, – с состраданием в голосе заметила Катенька. – С ребенком сидеть приходится, ужин готовить, стирать надо.

– Я и до свадьбы дискотеки не любил, шумно там, не слышно ничего, не поговоришь, мелькает все как-то, – признался Степан, а Клавдия спросила:

– А ты сама-то замужем, дети есть?

– Нет, рано еще, да и не везет мне как-то все в жизни.

– А чего тебе не везет-то все? – спросила жена сантехника.

– Сама не знаю. С подругами вот тоже не везет все. Недавно, к примеру, приехала на дачу к одной подруге своей. Она у нас в Джиме пока замуж не вышла, работала. Я с утра, пока все спали, ходила по участку и нашла белый гриб, большой такой, крепенький. А ее муж, Слава, тоже проснулся пораньше со мной грибы собирать – мы еще с вечера условились. Увидел, что я гриб нашла, взял и из него мне сварил супчик.

Тут как назло его жена проснулась и увидела, как я супчик ем, и говорит: я тоже, мол, хочу. Но больше супа-то не было. Она разоралась тогда – супа ей стало жалко. Скандал целый закатила. Пришлось мне с дачи уехать. Все из-за какого-то супа. Жалко ей его стало.

– Кого? – прищурившись, спросила жена сантехника.

– Супчика грибного, кого ж еще? – ответила Катенька, и в этот миг Степка почувствовал, что хочется как-то успокоить ему свою сестричку, приголубить ее, горемыку.

– А был еще случай. Поехала я тоже на дачу к одной паре семейной в гости на водохранилище. У них там дом большой. Много народу собралось на тусовку. Весело все так было. Напились все. Я к причалу подошла, а у них там пристань своя. Смотрю, там небольшая яхта моторная пришвартована. Очень мне захотелось тогда на ней покататься. А тут как раз хозяин дома на пристань вышел и интересуется, не хочу ли я прокатиться. А я на лодке, на такой, ни разу не каталась, понимаете? Я ему и отвечаю, что хотелось бы, конечно, только не знаю, как ею управлять. Поинтересовалась, есть ли какая прислуга, которая могла бы мне показать как. Хозяин же мне отвечал, что зачем прислугу беспокоить, когда он и сам рад будет меня прокатить. Мне, сами понимаете, неудобно было отказаться в сложившихся обстоятельствах, я и согласилась. Поплавали мы с ним часик-другой – он все никак не хотел назад возвращаться. А когда к причалу подплыли, там жена его нас уже поджидала. Скандал такой затеяла. Крича-

ла все, что когда она его просит ее покатать, то бензина никогда не бывает. Орала, что на нее бензин он тратить не хочет, а на меня бензин, значит, нашелся! Короче, бензина пожалела. Все орала и орала. Бензина пожалела, представляет. Мне уехать, короче, из-за бензина пришлось!

– Бензина, значит, пожалела. Понятно, – как-то странно сказала жена сантехника, а потом добавила, – а ты зачем, Катерина, приехала-то?

– Да у меня тетка умерла, квартира в наследство, вроде, осталась. Наследники другие, конечно, имеются. Тяжба предстоит. У меня ведь после смерти тетки, по-хорошему никого и не осталось теперь. Некому меня теперь и защитить-то. Родители-то мои еще несколько лет назад умерли. И дом их пропал. Ничего и никого у меня нет.

– Как это, никого нет? – возмущенно пробасил Степка. – А мы тебе, не родня, что ли? Ты нас теперь держись, и все нормально будет. Я тебе везде помогу, сестренка.

– А какие вы братья-сестры? – спросила Клава.

– Как это, какие? – не понял сантехник.

– Какое родство? Я что-то не помню, чтобы у тебя, Степа, родные сестры были.

– Мы не родные, а двоюродные или, может, троюродные, не помню точно, – пояснила Катенька, – я в этих родственных названиях путалась всегда.

– Я тоже! – воскликнул Степка, – да какая разница, главное: родня!

– Я вот сейчас припоминаю, и мне кажется, что вы четвероюродные брат с сестрой, – прищурившись, заметила Клавдия, для которой этот вопрос, очевидно, имел немалое значение.

За разговором время пролетело быстро. На улице вечерело.

– А ты где ночевать собираешься: в теткиной квартире? – спросила Клавдия.

– Нет, мне туда нельзя, там наследники другие. Они меня не пустят. Придется в гостиницу какую-нибудь поехать.

– А ты что ж, не заказала себе номер заранее? – спросила Клавдия.

– Нет, забыла, как-то из головы вылетело.

– Зачем гостиница?! Да и ночь на дворе! Мы что, не родня, что ли? У нас переночуешь, и дело с концом! Правда, Клава?

Было заметно, что жена сантехника определенно не разделяла энтузиазма мужа по данному вопросу. Однако, выдержав паузу, она согласилась:

– Ладно, пойду стелить кровати, а тебе, Катерина, раскладушку Василька на кухне поставим.

– А удобно это? Может быть, лучше я... – широко раскрыв наивные, глаза начала было Катенька.

– Удобно, удобно, – пробасил довольный Степка, – а я с тобой, пока Клавка ко сну готовится, на кухне посижу, чайку выпьем.

Клавдия вышла из кухни, а Степка, повернувшись к Катеньке. Тут надо отметить, что если бы водопроводчик имел привычку давать себе отчет в своих чувствах, то он вынужден был бы признать, что его отношение к Катеньке под воздействием ее облегающего платья уже перестало ограничиваться лишь родственными чувствами. Зато жена сантехника Клава прекрасно заметила постигшие ее мужа перемены. И потому, прикрыв за собой дверь, не пошла в комнату, а стала прислушиваться к беседе родственников.

– Ну, как живешь, Степка? – в который раз за сегодняшний вечер спросила Катенька.

– Нормально.

– А не скучно тебе вот так?

– Как так? – почему-то смутился сантехник.

– Ну так: семья, дом, быт...

– Мне-то? Мне – не, – сказал он, почесывая затылок.

– Не ходишь никуда.

– А куда ходить-то?

– Ну не знаю.

– А хочешь, завтра погулять на реку пойдём, как в школе?

– Я даже не знаю, неудобно как-то...

– Чего там не удобного? Пойдем, да и... И без того короткая речь водопроводчика в этот момент была прервана звуком открывающейся двери. Вошла Клава и хмуро заметила:

– Степан, я посмотрела, у раскладушки ножки разболтались больно. Никак нельзя на ней взрослому человеку ночевать.

вать. А то не сегодня – завтра Василек из деревни вернется – негде спать ему будет, если раскладушку-то сломаем.

– Дай-ка я сам посмотрю, – сказал Степка вставая.

– Нечего тебе и смотреть, Степан, – повышая голос, сказала Клава, – вот тебе телефон, вызывай такси для сестрички твоей, у меня тетка в гостинице привокзальной работает, для меня всегда одно место найдет.

– Нам такси не к чему, только деньги тратить, – забубнил Степан.

– Раз так, то, что ж я, сестричку не провожу, что ли?

– Не проводишь, Степан, – еще громче сказала Клавдия, – на улице беспокойно вечерами, а ты у меня один – что я потом с инвалидом-мужем и с ребенком малым на руках делать стану, если ты с хулиганами ненароком встретишься?

– Да я... – начал, было, Степан, но, посмотрев на жену, осекся. Выражение ее лица не предвещало ничего хорошего. Он развел руками и начал набирать номер такси.

«Раскладушку ей жалко стало», – с досадой думала Катенька, сидя в такси по дороге в гостиницу.

Август 2009

На чужбине

Скрипнули шасси самолета. Аэробус 320 совершил мягкую посадку в «Хитрово». Был конец октября. Солнце весело светило в иллюминаторы. На улице было сухо и тепло.

– Ну вот мы и в Лондоне, – сказал Вадим Петров своему соседу Игорю Захарцеву. Оба они были управленцами среднего звена одной большой международной корпорации. Но Вадим работал в Лондоне, а Игорь – в Московском офисе. По работе им приходилось часто соприкасаться друг с другом.

Вадиму на вид было лет сорок пять. Он был широк в плечах, с солидным животом, приземист. Красноватый цвет лица выдавал в нем гипертоника. У него были пухлые губы, мясистый нос и черные с легкой проседью кучерявые волосы. Буйная растительность на его лице порой принуждала его бриться дважды в день. Из-под нависших густых бровей черные глаза его буравили окружающий мир. Все это придавало ему отдаленную схожесть с цыганом.

Игорь был еще молодым человеком лет тридцати, небольшого роста и субтильного телосложения. Несмотря на свой возраст, он в последние годы здорово продвинулся по служебной лестнице в корпорации, и теперь перед ним открывались хорошие перспективы. У него было беззаботное выражение лица, свойственное молодым и уверенным в себе

людям, которым кажется, что им все по плечу и что карьерный рост их никогда не закончится.

Они направлялись к пункту паспортного контроля.

– Сколько раз прилетаю в Лондон, почти всегда светит солнце, – сказал Игорь, глядя в окно аэропорта, – и почему только Англию называют «Туманный Альбион»? В сравнении с Москвой, где количество осадков неизмеримо больше, здесь просто...

– А кто, собственно, говорит про Москву, мой дорогой? – перебил его Вадим, похлопывая по плечу. – Европейцы сравнивают ведь с континентом – с западной Европой, то есть. Да, в Париже, в Испании действительно гораздо больше солнечных дней, чем в Лондоне.

Игорь промолчал. Ему не нравился покровительственный тон его товарища, старшинство которого он не признавал. Будто бы он сам не знает, как там в Париже с Испанией. Как же! Бывали и не раз.

Вскоре они вышли из здания аэропорта, и Вадим, остановившись на секунду, прикрыл глаза, немного поднял подбородок и потянул носом воздух.

– Лондон! – сказал он умиротворенно. – Все родное.

– Родное? – переспросил Игорь.

– Как-никак, десять лет мы уже здесь, – пояснил он тоном человека, долго стремившегося к чему-то и, наконец, достигшего цели своей жизни. – Наш дом здесь, друзья, знакомые.

Игорь промолчал.

– Ты сейчас куда? – спросил Вадим.

– В гостиницу.

– Поедем к нам на «Хай Гейт», покажу тебе, как мы живем, выпьем по стаканчику шотландского виски.

Вадим не питал дружеских чувств к Игорю. Кое в чем он его даже раздражал. В частности, Вадим не мог привыкнуть, что тот обращается к нему «на ты», да и вообще не прислушивается к его рекомендациям. Из-за этого у них частенько возникали трения по рабочим вопросам. И сейчас Вадиму захотелось показать этому выскочке, как живут достойные люди в Лондоне.

– А где это? – простодушно осведомился Игорь.

– Это на севере Лондона. А ты где остановился? – ответил Вадим и отметил про себя: «Вот деревенщина-то, «Хай Гейта» не знает».

– В гостинице, на пересечении Оксфорд и Риджент стрит. Я в центре люблю.

– Ну минут за тридцать обратно на такси точно доберешься.

– Далековато будет от центра, ну да ладно, поедем, раз приглашаешь, – Игорь посмотрел на часы: было около двух часов дня, спешить ему было некуда. Вечер у него все равно был свободен.

Они взяли Лондонский кэб и скоро уже катили по направлению к городу.

– Да, теперь у нас все по-английски, даже перешли на ан-

глийские праздники, я уж не говорю про друзей, – сказал Вадим, с умилением взирая на пригороды Лондона.

– Я слышал, что в Европе, а в Англии тем более, ассимилироваться довольно сложно, особенно в первом поколении, – заметил Игорь.

– Все это очень и очень индивидуально, мой друг, – с улыбкой пояснил Вадим. – Впрочем, как и во всем в жизни. Тут, знаешь ли, у всех по-разному получается. Сегодня вечером, например, к нам приходит Джон Фицпатрик с женой. Знаешь такого? – Вадим выдержал небольшую паузу. – Так вот, мы давно дружим семьями.

Игорь, конечно же, знал Фицпатрика. Им не раз вместе приходилось работать над контрактами. Сейчас он припомнил, как год назад они зашли в обеденное время перекусить в ресторан в лондонском Сити и разговорились на разные темы, не относящиеся к работе.

– Как тебе г-н Петров? – поинтересовался у Игоря Джон, зная, что они не очень ладили.

– Трудновато с ним иногда бывает. Туговат он немного, – осторожно признался Игорь.

– Да, это есть, – отвечал Джон.

– С одной стороны, он суровый такой: напугать, если в темном переулке встретишь, может, с другой – немного смешной. Сейчас он пообтесался немного, конечно, а раньше... – продолжал Джон. – Я помню его, когда он только пришел к нам в офис лет десять назад. Он тогда носил кожаный

пиджак на работу. Каждый, конечно, может носить то, что хочет, но существует все-таки корпоративный стиль. А, принимая во внимание его габариты, уж больно он тогда смахивал на вышибалу из ночного клуба. Забавное было зрелище. Но что интересно, пиджак-то он сменил, а в целом мало изменился.

И вот теперь выяснялось, что они, оказывается, дружат семьями? «Ну и лиса же этот Фицпатрик», – думал Игорь, слушая Вадима.

– Сын мой в прошлом году окончил Лондонскую Школу Бизнеса. Его взяли на работу в Леман Бразерс. Сам понимаешь... – Вадим снова многозначительно замолчал, а потом продолжил. – Недавно он и его девушка Мэри Карс объявили о помолвке. Она из Шотландии. Ее родители – преподаватели в университете. Хорошая семья. Рождество будем справлять уже шестером у нас. Короче, все у нас с Наташкой – так звали его жену – теперь по-английски.

За разговором час дороги пролетел незаметно, и вот они уже подъехали к месту проживания Петровых. Это был небольшой дом, с двух сторон примыкавший к соседним строениям. Перед входной дверью расположился маленький участок земли, огороженный невысокой металлической изгородью.

– Это наш садик, Наташа этим занимается, – с гордостью сказал Вадим, любовно глядя на аккуратно подстриженные растения.

– А где же машины паркуете?

– На улице перед домом. Ты...

– А подземного гаража нет, что ли? – перебил его Игорь.

– Здесь это не принято. Да и не нужен он. Ни холодов российских, ни снега тут практически не бывает. Но ты заходи, заходи в дом, не стесняйся, – и Вадим покровительственно похлопал Игоря по спине.

Они оказались в уютном, со вкусом обставленном помещении, ничто в котором не выдавало русское происхождение его хозяев. Даже книги были только на английском языке. В обширной кинотеке Игорь не заметил ни одного фильма на русском. Так, видимо, им было проще ассимилироваться. Несмотря на то, что Вадим хорошо говорил по-английски, до совершенства ему было еще далеко. Особенно плохо обстояло дело со славянским акцентом. Этот акцент был постоянной болью Вадима. А как он ненавидел вопрос «откуда Вы?», который время от времени ему задавали в самых неподходящих местах. Тем более что спрашивающий чаще всего сам легко мог определить его славянские корни. А Вадиму так хотелось раствориться в этой массе островитян!

– Сколько здесь квадратных метров? – простовато спросил Игорь, пытаясь определить стоимость помещения.

– Не знаю точно. Здесь так не принято мерить.

– А как же цена определяется?

Вадим недовольно поморщился. Он стремился сюда столько лет! А этот выскочка сразу все пытается перевести в

квадратные метры и деньги. Ты сначала попади сюда!

– Месторасположением и количеством спален. У нас район сам понимаешь... – ответил он и самодовольно ухмыльнулся. – Там наверху две спальни и кабинет. На первом этаже, как видишь, студия. Может быть, не очень много..., но это же в Лондоне! Сам понимаешь... – пояснил хозяин, думая: «Тебе-то до этого, как до луны».

– Метров сто двадцать будет, – завершил свой незамысловатый подсчет Игорь. Тут же перемножил на приблизительную стоимость за метр квадратный и решил, что запросто смог бы позволить себе такую покупку уже через год-два, в кредит, конечно же.

– У вас и ипотека висит? – бесцеремонно поинтересовался Игорь.

– Есть такое дело. Что будешь пить?

– Давай виски.

– Есть хороший молт.

– А «Блэк Лэйбл» есть?

– Этого не держим, извини. Здесь как-то приняты односолодовые сорта.

– Тогда давай молт, – безразлично согласился Игорь.

– Надо выработать правильный вкус. На вот, попробуй, – сказал Вадим, протягивая стаканчик желтой жидкости.

Они сидели в креслах. Вадим любовно оглядывал убранство своего дома. Потом он спросил у Игоря:

– Сам-то не собираешься?

– Что не собираюсь? – не понял вопроса Игорь.

– Ну, это... – Вадим ухмыльнулся, как чему-то само собой разумеющемуся, но, видя непроходимое непонимание собеседника, добавил:

– Здесь попробовать зацепиться?

– А, это. Да нет, как-то не думал, – ответил Игорь.

– Смотри, пока молодой. Потом сложнее будет, – продолжил свою мысль Вадим, а сам с досадой подумал: «Инфантильное какое-то поколение нынче в России пошло. Им только что в рот не подадут, а они отказываются. В наше время-то как попотеть надо было, чтобы сюда попасть!» Он вспомнил себя: сколько усилий ему пришлось приложить, чтобы обосноваться в Лондоне. Вадим перевел взгляд на гостя: «А он – не думал! А думать-то надо – потом поздно будет. Ему бы сейчас использовать возможность, попросить меня – может, я бы чем и помог. Да бог с ним, не понимает – и не надо. А когда поймет, поздно уже будет».

Они посидели еще немного, поговорили на рабочие темы, и Игорь отправился к себе в гостиницу, а Вадим прилег вздремнуть с дороги. Но сон не шел к нему.

«И зачем я пригласил этого выскочку домой? – в раздражении, ворочаясь, думал Вадим, – все равно он ничего не понял!»

Вскоре вернулась с работы его жена, Наташа.

– Привет, Вадик. Я соскучилась!

– Я тоже.

Они чмокнули друг друга в щеки.

– Как прошла командировка в Москву?

– Расскажу тебе в ресторане.

– В ресторане?

– Да, я заказал столик в «Бентли».

– В «Бентли»! Какая прелесть! А не слишком ли это расточительно для нас? Что мы отмечаем?

– А ты забыла?

– Что же?

– Наше десятилетие переезда в Лондон.

– А! И правда! А я и забыла! Дай мне десять минут.

Через час они сидели в ресторане.

– Как быстро летит время! Десять лет! – вздохнул Вадим.

– Да, верно. Ну, расскажи, как Москва, – спросила Наташа.

– А что Москва? Та же грязь, холодные дожди, того и гляди снег пойдет, а за ним слякоть. Все как обычно.

– Ненавижу слякоть, – пробурчала Наташа.

– Кому уж такое понравится! Но ладно бы только это, – продолжал Вадим, – как и раньше: одно хамство везде. Хамство на улицах, хамство в метро, хамство на дорогах.

– Что меня всегда удручало, и почему я так всегда стремилась уехать оттуда, так это именно бесконечное хамство и полная беспардонность. Тебя могут обматерить на улице, и всем это будет до лампочки, даже если рядом стоит мили-

ционер, – поддержала Наташа мужа.

– А откуда там другому взяться? – говорил Вадим. – Все происходит от главного: от отношения к ценности жизни. Если сама жизнь ничего не стоит, – а в России она всегда не дороже трех копеек ценилась – то о каких правах человека, о каком достоинстве можно говорить? Милиционер – он такой же член общества. Если он с детства к унижениям и побоям приучен, то для него оскорбления – это норма жизни. Как же он другим может запрещать то, что для него нормой является? Тут уж ничего не поделаешь! – развел руками Вадим. – Демократические традиции, прежде всего, в быту надо культивировать, а для этого и нескольких десятилетий не хватит. Века должны пройти.

– Это ты уж преувеличиваешь, Вадик...

– Никакого преувеличения. Я много раз задумывался, откуда вся эта суетливость и бытовая жестокость берется. Пришел ли ты в метро: вперед тебя норовят пролезть, зашел ли ты в магазин: никто тебе дверь не придержит, а то еще дверь тебе же по роже хлопнут. На дорогах – то же самое происходит, за право проехать первым люди готовы жизнь положить, – пистолеты, биты с собой возят – как будто если он вперед тебя проедет, то сразу в рай от того попадет. А потом ведь беззаконие и безнаказанность полная и на всех уровнях царит – что в быту, что на самом верху.

– Слава богу, что мы здесь. Помнишь, как мы еще студентами Университета мечтали вырваться из теплых, пусть

и престижных, московских квартир наших родителей и уехать за границу из этого совка. И вот мы обосновались в Лондоне, имеем свой дом. Давай выпьем за исполнение наших желаний, – сказала Наташа и подняла бокал «Пти Шаб-ли».

Они сделали по глоточку.

– Скажи, как у тебя дела на работе? – сменила тему Наташа.

– Довольно напряженно, – мрачновато заметил Вадим, – сейчас сокращения большие идут. Не ровен час – можно под них попасть, как пять лет назад, помнишь? А в моем возрасте – он был старше Наташи на четыре года – работу искать непросто. Если что, на тебя вся надежда.

– На мою зарплату прожить трудно, сам знаешь, – заметила Наташа.

– Кстати, мне в Москве работу предлагали. Довольно перспективную, и по деньгам совсем не плохо.

– Вадик? – с тревогой спросила жена. – А ты что?

– Не волнуйся, я отказался, конечно. Опять в этот совок погружаться у меня нет никакого желания. Ничего, ничего, что-нибудь здесь придумаем, – заговорил Вадим, – главное кредит погасить за дом, нам еще годик остался, а там, глядишь, и полегче станет. Лет пять протянуть, а там и «ранний уход на пенсию» оформить можно. Дом в Лондоне продать, самим на побережье перебраться. Все так делают.

Потом, не забывай, у нас на черный день есть кое-какая

недвижимость: домик в Варне, в Москве сталинская двушка. Нет, люди мы, конечно, небедные, что там говорить. К тому же парнишка наш не подкачал, теперь уже сам зарабатывает. Прорвемся как-нибудь. Между прочим, я на субботу пригласил Фитцпатрика, – в свою очередь сменил тему Вадим, – а в воскресенье мы идем на мюзикл «АББА».

– Ну и хорошо. Они, все-таки, очень приятные люди, эти Фитцпатрики.

Петровы вышли из ресторана. Был сухой приятный осенний вечер.

– Давай прогуляемся немного?

– Давай, – согласилась Наташа.

Они прошли по Пикадилли, а потом свернули в тихие улицы «Мэй Фэа», где все дышит спокойствием и благородным достатком.

– За стенами этих домов не принято говорить о деньгах, – с некоторым благоговением сказал Вадим.

Тут, в довершение нарисованной его воображением картины благополучия этих мест, перед ними плавно остановился Роллс-ройс. Из него вышел усталого вида человек лет пятидесяти, портье беззвучно отворил ему дверь, ведущую в мраморную прихожую. Благородного вида господин молча кивнул портье и проследовал внутрь здания.

– Благородная седина, благородный профиль, благородная осанка, – глядя на него, подумал Вадим, – почему мне не дано было родиться им, в правильной семье, в правильном

месте, в правильной стране?

Между тем, фотографии прошедшего перед ними человека Петров много раз видел в газетах и, безусловно, знал его имя из прессы. Просто он не смог разглядеть его как следует в темноте. Звали благородного господина Михаил Черногриев. Родился он шестьдесят пять лет назад в маленьком, никому не известном ингушском селе. И тогда его звали Мухаммед. Много позже он для простоты стал называть себя Михаилом. Отец его был пастухом, а мать дояркой. В семье было пятеро детей, он был четвертым по счету. Михаилу не исполнилось и года, когда он осиротел – отца убили на фронте Второй мировой войны. Семья и до этого, мягко говоря, не была зажиточной, а уж со смертью отца им стало совсем туго. Старшие братья всегда помогали матери и младшим, благодаря чему у Михаила появилась возможность поехать к тетке в Грозный учиться в школе. С тех далеких лет, как он оставил свой аул, все вопросы, возникающие в его жизни, Михаил решал только сам. Долгое время судьба была к нему настолько благосклонна, что порой у Михаила возникало стойкое чувство, будто кто-то ведет его за руку по жизни, наставляя на правильный путь, удерживая от неверных шагов. Так, не в пример многим одноклассникам, после окончания школы Михаил отправился в Москву поступать в институт. Ему говорили, что он зря теряет время, но он, веря в свою судьбу, поступал по-своему, и случилось чудо, его приняли в «Киросинку». Михаила всегда тя-

нуло к нефти, и вот он уже учился, как ее добывать. По окончании института он долгие годы занимался нефтеразведкой, объехал всю Сибирь, побывал на Саматлоре. Потом, почувя новые веяния перемен, в конце восьмидесятых он вернулся в Москву и организовал один из первых кооперативов по продаже компьютеров. Потом основал частный банк. Удачно пережил несколько покушений. Банк и торговая компания разрослись в финансово-промышленный холдинг. В самом начале строительного бума, он своевременно занялся строительством. Потом вторгся в нефтяной бизнес. Он стал хозяином «заводов, газет, пароходов», с ним стали советоваться в правительстве Российской Федерации. Он вошел в почетные списки журнала «Форбс», где занимал далеко не последние строчки по размеру своего богатства. Он стал уважаемым человеком. И когда ему начало казаться, что положение его стало незыблемым, что он может практически все, начались неприятности. А главные неприятности у обеспеченных людей в России происходят из-за раздора с властями. Он попал в опалу. Поначалу Черногриеву казалось, что с ним происходит что-то странное, нелепое, что все это просто недопонимание, которое вот-вот должно закончиться, как уже не раз бывало, когда над его головой сгущались тучи. Но день ото дня претензий к нему становилось все больше. А суммы выявленных налоговых неуплат достигли астрономических масштабов. И вот его менеджеров начали вызывать в прокуратуру, а одного из них даже задержали. Потом и ему самому

прислали повестку явиться на Петровку 38. Выбора у него не было, надо было уносить ноги. Тогда вместо запланированного посещения Петровки, Черногриев отправился во Внуково 3, где его личный самолет всегда стоял под парами. Так он стал опальным олигархом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.